
Ю. ХАРНЕЙ, Г. ШТУРМ, Д. ФАЛЬ, С. ФАЛЬ

**Метафизика предлогов:
повторяющиеся непонятные маргиналии
в древнейшей рукописи славянского перевода
творений Дионисия Ареопагита**

Берлинская группа по древнерусской и церковнославянской литературе, которая работала при Академии наук ГДР под руководством Готтфрида Штурма, могла бы прекратить свое существование, когда закрыли эту Академию после объединения Германии. Но до сих пор мы продолжаем работать вместе в разных проектах. В этом нам существенно помогло ходатайство некоторых доброжелательных людей, первым из которых был Дмитрий Сергеевич. В письмах немецким научным организациям он подчеркивал значение исследования славянской культуры и на Западе. Мы не забудем его живой интерес к деятельности немецкой славистики и его поддержке.

Проект, которым мы занимаемся теперь, посвящен тексту, игравшему большую роль в духовной культуре Востока и Запада, и мы очень рады тому, что проект осуществляется в сотрудничестве группы восточных (русских) и западных (немецких) коллег. Речь идет об издании славянского перевода трудов Дионисия Ареопагита. О значении этого перевода и о необходимости его исследования Дмитрий Сергеевич говорил и писал неоднократно.¹ Переводил корпус богословско-философских творений Дионисия Ареопагита в XIV в. афонский старец Исаия — образованнейший сербский монах, который был дипломатическим посредником между Византией и Сербией и в не меньшей степени духовным посредником, открывшим славянскому миру важнейшие ценности византийской мысли.² Исаия в совершенстве владел греческим языком и знал

¹ Например, см. Литературная Грузия Тбилиси, 1975 № 4 С 86

² См. Мошин Вл. Житие старца Исаии, игумена русского монастыря на Афоне Юбилейный сборник Русского археологического общества в королевстве Югославии Белград, 1940 Вып 3 С 125—167, хорошие списки литературы см. Goltz H. Studien und Texte zur slavischen Kirchengeschichte Zur Tradition des Corpus areopagiticum slavicum Habilitationsschrift Halle, 1979 (машинописная публикация), Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв. Л., 1987, Podskalsky G. Theologische Literatur des Mittelalters in Bulgarien und Serbien 869—1459 Munchen, 2000 S 82—83, примеч 341, 147—148, примеч 634, 413, примеч 1816

новейшую философскую литературу своего времени так же хорошо, как труды отцов Церкви и древних философов.

Два с половиной года тому назад мы начали работу над изданием перевода под руководством Германа Гольтца, профессора Богословского факультета университета им. Мартина Лютера в городе Галле, и Г. М. Прохорова, профессора Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома в С.-Петербурге. Из более ранних исследований, особенно из публикаций Г. М. Прохорова, мы знали, что рукопись № 46 из собрания Гильфердинга очень близка к оригиналу старца Исаии.³ А в ходе работы сотрудники лаборатории Российской национальной библиотеки Д. О. Цыпкин и М. А. Шibaев выяснили, что, по всей вероятности, мы имеем дело с рукописью самого Исаии. Подтверждается это и наблюдениями над текстом, в котором сохранились многочисленные следы работы над переводом.

Переводил Исаия в соответствии с идеалами средневековья: слово за словом, иногда даже морфему за морфемой.⁴ Это касается особенно текста трактатов Дионисия, но в большой мере и текста схолий. Корпус трудов Дионисия с самого начала передавался только вместе со схолиями, причем текст схолий в греческой рукописной традиции гораздо менее устойчив, чем текст трактатов: трактаты переписывались греческими писцами со стремлением как можно лучше сохранить священный текст. В схолии греческий переписчик мог включить свои размышления и исключить из них то, что ему показалось менее важным. К сожалению, до сих пор не осуществлено критическое издание греческого текста схолий. Поэтому очень трудно судить, как точно поступал старец Исаия при их переводе. Мы можем доказать, что он — по крайней мере в некоторых местах — использовал несколько греческих рукописей и что он не брал все схолии, которые попали ему в руки, но выбирал. Схолии, комментирующие чисто языковые, особенно грамматические проблемы греческого языка, он исключал. Так, например, схолию с цитатами из античной литературы он начал переводить, а потом стер это начало; место, рассчитанное на эту схолию, осталось пустым (на л. 27). Добавок, принадлежащих явно переводчику, очень мало, и они касаются только перевода, как, например, в схолиях к прологу: *арѣвъ пагъ, ежѣ рѣци словѣнски арѣвъ ками*.⁵ В остальном Исаия передавал текст схолий, как и текст трактатов, почти одинаково скрупулезно.

³ См., например: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв. С. 42—48.

⁴ О технике славянских средневековых переводов см., например: Огрен И. К проблеме использования печатных текстов при исследовании древних славянских переводов. Уппсала, 1991; Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1 / Под ред. Ю. Д. Левина. СПб., 1995. С. 17—73.

⁵ Так как начало рукописи Исаии утрачено, передаем это место по наиболее близкой к оригиналу (ср.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв. С. 45—50) рукописи № 75 из Воскресенского собрания ГИМ, л. 3 об.

Более свободно он, по нашим наблюдениям, относился к маргиналиям.⁶ Среди них есть целый ряд таких, к которым мы пока в греческих рукописях параллелей не нашли. Они представляют собой или варианты перевода, или объяснения трудных слов, или целые комментарии. О принадлежности этих маргиналий Исаие, конечно, можно говорить только с большой осторожностью, пока не найдена та греческая рукопись, с которой работал Исаия. Ибо маргиналии в греческих рукописях Корпуса иногда тоже имеют подобное содержание: дают, например, варианты выражений. И так как маргиналии самая неустойчивая часть текста, то такие варианты выражений и слов, которые нам могут показаться вариантами славянского перевода, могли вполне существовать отчасти же в маргиналиях неизвестного нам греческого текста.⁷

Связать те маргиналии, которым мы греческого эквивалента не нашли, с соответствующими местами в тексте трактатов или схолий обычно несложно. Остались только два маргинальных замечания, единственные, которые повторяются несколько раз по всей рукописи и которые нам сначала показались совсем не связанными с основным текстом. Проконсультировавшись у разных специалистов, для которых эти маргиналии тоже остались загадочными, мы стали думать, что имеем дело с какими-то техническими указаниями писца. Речь идет о маргиналиях: *посрѣдѣ* и *послѣдолѣтнѣ/послѣдѣлѣтнѣ*. *Посрѣдѣ* встречается 17 раз по всей рукописи,⁸ и как маргиналия к тексту трактатов, и как маргиналия к тексту схолий. *Послѣдолѣтнѣ/послѣдѣлѣтнѣ* мы нашли 34 раза,⁹ также рядом с обоими видами основного текста. (Всего в рукописи 329 листов.) Более внимательные наблюдения над местами основного текста, около которых находятся эти маргиналии, в конце концов привели нас к следующим результатам: оба замечания никакого отношения к технической работе писца или переводчика не имеют. И то и другое выражение — грамматические указания

⁶ В том, что маргиналии древнерусской рукописной традиции Корпуса принадлежат митрополиту Киприану как полагал еще в 1960 г А И Клибанов (Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI вв М, 1960 С 317, 326), сомневался уже Г Кайперт (K e i p e r t H Die Adjektive auf — *telъ* // Studien zu einem kirchenslavischen Wortbildungstyp I Teil Wiesbaden, 1977 S 72—74), когда еще не было известно, что с рукописью № 46 из собрания Гильфердинга мы имеем в руках работу самого переводчика. Сравнение этой рукописи с так называемой Киприановской (РГБ, собр МДА, № 144) показало, что все маргиналии существовали уже в рукописи Исаии

⁷ Несколько маргиналий, точно принадлежащих Исаие, дают явные варианты перевода (без аналогий в греческом), например *вѣстници рикши агглы* (л 41 об), или относятся к структуре славянского текста (ср примеч 8), или комментируют слова или выражения, которые неправильно или не совсем точно переведены на церковнославянский язык. Например, на л 136 в схолии греческое *συνῆψθησαν*, которое точно означает *одобрить/согласиться* (см Lampe G W H A Patristic Greek Lexicon 12 ed Oxford, 1995 P 1293—1294), переведено как *расоуджати*, а в маргиналии дается объяснение или *довро юсть* или *нѣ*.

⁸ Именно на л 35, 53, 76 об, 97, 99 об, 101, 120 об, 153 об, 160—160 об, 198 об, 212, 236, 241, 254, 317 об, 325 об

⁹ На л 5—5 об, 25 об, 77, 95 об, 97 об, 102, 104, 109 об, 117, 129, 162, 188, 194 об, 195, 219 об, 234 об, 238, 241 об, 243, 246 об, 259—259 об, 260, 286 (два раза), 294, 295 об (два раза), 297, 298, 302, 305 об, 310

Посрѣдѣ характеризует вставку в предложение — «скобки», парентезу. Как известно, во времена Исаия еще было принято писать и в греческом, и в славянском без деления на слова, и интерпункция часто не давала однозначной информации о структуре текста. Поэтому в чрезвычайно сложных предложениях Корпуса было целесообразно указать на места, где начинается парентеза. Все места в рукописи из собрания Гильфердинга, № 46, где встречается посрѣдѣ, объясняются таким образом. Когда эта маргиналия относится к тексту трактатов, она всегда написана киноварью, а в 11 из 17 случаев начало и конец вставки в тексте еще дополнительно маркированы надстрочными киноварными точками.

Существовал ли греческий образец? В греческих рукописях Корпуса мы его не видели. Но, так как та рукопись, с которой работал Исаия, еще не известна, пока рано исключать и такую возможность. Ибо выражение посрѣдѣ точно калькирует греческое ἀναμέσον, что можно писать и раздельно; ἀνὰ μέσον — как и по срѣдѣ. В греческом слово τὸ μέσον среди прочего имеет и значение *середина предложения*, а выражение ἀνὰ μέσον или ἀναμέσον характеризует именно вставку — парентезу или гипербатон. В греческих риторических трактатах это выражение употребляется даже в определении гипербатона.¹⁰

Параллельно встречаются в том же значении ἐν μέσῳ, διὰ μέσον и μεταξύ, которые не так точно соответствуют славянскому посрѣдѣ. Но и их нельзя исключить как образцы, так как Исаия в других местах Корпуса переводит и их как посрѣдѣ.¹¹ Особенно интересный пример находим на л. 39 об., где в схолии с помощью выражения διὰ μέσον/посрѣдѣ указывается на вставку. Схолия объясняет сложный синтаксис предложения из тракта «О небесной иерархии»: предложение в тракте содержит большую вставку, а в схолии оно повторяется без этой вставки, потом написано: καὶ οὕτως τὰλλα διὰ μέσον, значит, «и, таким образом, остальное — в середине [фразы]», что Исаия переводит через и тако друуга посрѣдѣ, да рекоутѣсе.

По нашему мнению, Исаия, который при переводе постоянно старался придать славянскому языку гибкость и «сукхыщринность» греческого языка, вполне мог бы употреблять кальку посрѣдѣ в помощь славянскому читателю и в тех случаях, когда ее образца в переводимой рукописи не было.¹²

¹⁰ Например, Фойбаммон пишет: Ὑπερβατόν δέ ἐστι λέξις ἢ φράσις ἀνὰ μέσον ἔχουσα τι τῶν ἐξῆς νοουμένων (S p e n g e l L. Rhetores Graeci. Leipzig, 1856. Vol 3. P. 48). А в трактате о тропах, приписанном Григорию, епископу Коринфскому, читаем: Ὑπερβατόν ἐστι φράσις ἀναμέσον τὰ ἐξῆς ἔχουσα... (Ibid. P. 218).

¹¹ См. например, л. 187 и 327 об.; ср. также уже в Новом Завете посрѣдѣ как перевод греческих выражений ἐν μέσῳ, εἰς τὸ μέσον, ἀνὰ μέσον, μέσον, διὰ μέσον (Гильтебрандт П. А. Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету. Переиздали Г. Кайперт и Ф. Мареш. München, 1989. Т. 5. P. 1569).

¹² Другие грамматические указания Исаия дает в маргиналиях к некоторым местам, где отношение местоимений в славянском предложении становится неясным. Например, иногда к существительным, которые в греческом принадлежат к разным родам, а в славянском к одному и тому же, относятся некоторые местоимения в предложении. Если такое предложение с точностью Исаией переводится слово за словом, синтаксические связи в славянском тексте становятся многозначными.

Точно так же Исаие могут принадлежать маргиналии *последолѣтнѣ/последлѣтнѣ*, которые тоже являются калькой с греческого. Посредством этого указания мы приближаемся наконец к «метафизике предлогов». ¹³ *Последолѣтнѣ/последлѣтнѣ* ставится рядом с текстом там, где в греческом оригинале трактата или схолий употреблялся предлог *μετά* с винительным падежом.

Μετά с винительным падежом означает *после*, а с родительным падежом *μετά* означает *с, вместе с*. Это различие становится значимым для богословия, когда говорится о лицах Святой Троицы. По опирающимся на решения Второго вселенского собора православным догматам лица Святой Троицы равночестны. Поэтому отношения между Отцом, Сыном и Святым Духом можно описать только с помощью *μετά* с родительным падежом, т. е. как *с, вместе с*. Арианские тексты употребляли для выражения отношений между лицами Троицы *μετά* с винительным падежом, т. е. как *после*, чтобы подчеркивать вторичность Сына в отношении к Отцу по учению ариан. В последующее время вопрос обсуждался, и православные авторы до сих пор тщательно избегают в связи с лицами Святой Троицы употреблять *μετά* с винительным падежом. ¹⁴ А что случалось, когда вне связи с Троицей говорилось о каком-то временном последовании? Конечно, и православные авторы продолжали употреблять *μετά* с винительным падежом в значении *после*.

Текст Корпуса, а особенно схолии к трактатам Дионисия, как известно, часто употреблялись как орудие и даже оружие в борьбе Церкви с еретическими движениями. ¹⁵ Арианская ересь в схолиях упоминается несколько раз. А в переводе Исаии находим интересное место, которое показывает, что темой арианства он специально интересовался: он ставил около схолии, которая упоминает ариан, маргиналию *нѣ славѣху подовно сына отцоу нѣ отлично*. ¹⁶ Этой маргиналии мы тоже в греческих рукописях параллелей не нашли, так что не исключено, что она принадлежит самому Исаие. Но даже если он нашел ее в переводимом греческом тексте и посчитал нужным перевести ее, то и это говорит о его внимании к теме арианства. А в тексте, который был ему известен как антиеретический, Исаия мог считать необходимым подчеркивать, что в некоторых местах, где употребляется *μετά* с винительным падежом, имеется в виду именно *после по времени*, т. е. *последолѣтнѣ*. ¹⁷

В таких случаях переводчик иногда ставил маргиналии, как, например, *того къ Христоу съвари на л 244 об*. Этих маргиналий в греческом оригинале быть не могло. Поэтому мы можем допускать и такую возможность, что маргинальное *посрѣдѣ* Исаия ставил независимо от маргиналий в переводимой им греческой рукописи.

¹³ Это понятие мы нашли на с 506 в Uthemann K H Ein griechisches Florileg zur Verteidigung des filioque aus dem 7 Jahrhundert? Eine Bemerkung zum Parisinus graecus 1115 // Byzantinische Zeitschrift 1999 N 92 S 502—511

¹⁴ Темой, например, занимался Василий Великий, ср PG T 32 Col 88 B — C

¹⁵ Ср например Goltz H Studien und Texte T I S 17—22

¹⁶ Собр Гильфердинга, № 46, л 83 об

¹⁷ Слово — калька с греческого *ὕστερον* — образовано по той же схеме, как и *последолетние* от *ὕστερον* и *последовлетние* от *ὕστερον* (ср Словарь русского языка XI—XVII вв М, 1991 Вып 17 С 181)

В греческом языке оригинал этой кальки — ὑστεροχρονία — встречается крайне редко. С помощью всевозможных словарей мы нашли только один пример, но зато красивый: Евстафий, архиепископ Солунский, в конце XII в., будучи еще учителем риторики при царьградской Св. Софии, в комментарии к одному месту из Илиады Гомера писал: φανερώς ἢ μετὰ πρόθεσις ὑστεροχρονίαν δηλοῖ...¹⁸ (очевидно, предлог μετὰ означает последовательные...).

Действительно во всех 33 случаях, в которых мы встречали последовательные/последовательные в маргиналиях рукописи Исаии, главный текст трактатов или схолий содержит в греческом оригинале предлог μετὰ с винительным падежом в значении *после*. (Но далеко не во всех местах, где употребляется μετὰ в значении *после*, стоит маргиналия.)

Μετὰ с винительным падежом на церковнославянский язык переводится в рукописи всегда как *по* с предложным падежом. Тем же предлогом *по* Исаия передает и другие греческие предлоги, как, например, ἀνά (как было показано выше), но и διά, ἐν, а чаще всего κατά. А μετὰ с родительным падежом Исаия переводит или предлогом *съ* с творительным падежом, или ставит просто славянский творительный падеж. Выходит, что две функции греческого предлога μετὰ в славянском передаются по-разному, и уже нет необходимости в славянском тексте использовать еще какие-то средства для их различения. В этом смысле последовательные/последовательные в славянском тексте уже потеряло метафизическое значение, т. е. богословскую функцию греческого ὑστεροχρονία. С другой стороны, в славянском тексте предлог *по* оказался многофункциональным. *После* — только одно из его возможных значений. И маргиналию последовательные/последовательные можно ставить около этого предлога уже только как вспомогательное указание, чтобы читатель выбирал правильное из возможных значений предлога, а именно *после*. Метафизическое значение замечания последовательные/последовательные остается только для того, кто умеет смотреть сквозь славянский текст на греческий оригинал.

Есть в переводе Исаии много мест, из которых становится ясным, что он смотрел на текст именно так. Как раз эти места оказались особенно сложными в дальнейшей традиции славянского текста Корпуса, потому что без оглядки на греческий оригинал они зачастую просто непонятны. Переписчики при попытках сделать эти места понятными внесли ошибки в текст. Например, маргиналии включались в предложения главного текста, что иногда приводило к совершенной бессмыслице.

Так, с маргиналией последовательные случилось следующее: текст схолии в греческом оригинале такой: Καθηγεμόνα, τὸν ἅγιον Ἱεροθεὸν αἰνίττεται, ὡς εὐθὺς δηλοῖ μετὰ γὰρ τὸν Παῦλον ἐκ τοῦτου ὠφελήθη.¹⁹ (Словом «наставник» он намекает на святого Иерофея, как он тут же обнаруживает. После Павла он ведь получал наставления от того.) В переводе Исаии по рукописи из собрания Гиль-

¹⁸ Eustathii Archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem et Odysseam Hildesheim, 1960 Vol 2, tom 2 (репринт издания 1828 г.), 110 под № 642

¹⁹ Ср. PG T 4 Col 228 A Отличие от издания Migne, опущение слова οἰκεῖον после Καθηγεμόνα подтверждается греческими рукописями

фердинга, № 46 (на л. 95 об.) это звучит так: наставника ст҃го иерофѣя гадають. также авиѣ авлаиють по павлѣ во ѿ сего полѣзовася. Рядом с передающим метὰ предлогом по в маргиналии читаем послѣдолѣтнѣ. В Великих Минеях Четних эта маргиналия (на столбце 424) была включена в текст: Наставника святаго Иерофѣя гадають; также авиѣ авлаиють послѣдолѣтнѣ по Павлѣ во от҃чь сего полѣзовася. Получается метафизика. Но уже не метафизика предлогов, а метафизичность всего текста.

И как раз это уже искаженное по смыслу место попало в «Словарь русского языка XI—XVII вв.»²⁰ в качестве единственного примера для объяснения слова послѣдолѣтнѣ. А как греческий эквивалент слова послѣдолѣтнѣ дается там ὡς εὐθὺς δηλοῖ. Однако это — контекст соответствующего места в схолии. Слова ὡς εὐθὺς δηλοῖ являются оригиналом перевода Исаии также авиѣ авлаиють. А слово ὑστεροχρονία или слово метὰ, у Исаии по, к которому относится комментарий послѣдолѣтнѣ, в словаре в греческом оригинале даже не названы.

Этот пример показывает, что недоразумения, которые возникли в течение многовековой традиции замечательного перевода старца Исаии, продолжаютя вплоть до наших дней. Мы надеемся немножко облегчить понимание этого сложного текста с помощью его издания в аутентичном виде.

²⁰ М., 1991. Вып. 17. С. 181.